

мости более дифференцированно подходить к оценке отдельных явлений буржуазного искусства, ища в каждом конкретном случае не то, что роднит его с общим потоком, а то, что его от этого потока отличает.

Закрывая книгу Г. Бояджиева «Театральный Париж сегодня», хочется поблагодарить автора за то увлекательное путешествие, которое мы совершили вместе с ним по театрам Парижа, и за тот строго научный, профессиональный разговор о состоянии и путях развития сегодняшнего французского театра, который он так умело сочетал с легкой, очерковой манерой изложения.

Издательство «Искусство» сделало очень полезное дело, выпустив книгу Г. Бояджиева, и остается только пожелать, чтобы подобные книги появлялись у нас чаще.

Н. Балашова

Путь актрисы

В книге много фотографий. Кокетливо смеется молоденькая итальянка в костюме XVIII века, а на другой странице — дородная женщина с властным, мрачно-жестоким лицом. А вот два портрета рядом: на одном — великосветская дама, на другом — старая служанка с бессмысленным взором и поджатыми губами. Во весь рост снята утопающая в кринолине, элегантно натягивающая перчатку испанка. И ничего как будто нет у нее общего с одетой в военную гимнастерку суровой женщиной с печальными глазами.

Между тем все это — одно и то же лицо. Рассматривая фотографии в книге Серафимы Германовны Бирман «Путь актрисы» и поражаешься, каким огромным даром перевоплощения наделила ее природа. Легкомысленная Гортензия из «Трактирщицы» Гольдони и горьковская Васса Железнова; Каренина из «Живого трупа» Л. Толстого и мадам Обломов из пьесы Горбатова «Юность отцов»; Виоланта из «Испанского священника» Флетчера и военный хирург Анна Греч из пьесы Симонова «Так и будет...».

Вероятно, именно потому, что так велик диапазон творчества актрисы, не только увлекательна, но и поучительна ее книга. Ведь каждая новая роль — это новые поиски «зерна» образа, новые средства для выражения всех перемен его внутренней жизни.

В 1911 году Художественный театр ставил «Живой труп». Бирман в народной сцене исполняла крохотную роль англичанки-гувернантки, которая даже не была написана Львом Толстым. Биографию персонажа придумал В. В. Лужский.

А в 1941 году Серафима Бирман в этой же пьесе играла Каренину. Так, поднимаясь со ступеньки на

ступеньку, достигла вершины актерского мастерства Серафима Германовна Бирман — оригинальный художник с необычайно ярко выраженной индивидуальностью.

В книге Бирман о ее жизни на театре нет общих фраз, пустых, проходных страниц, она переполнена размышлениями автора о театральном искусстве, о работе актера, об узнавании образа и т. п. и т. д. Система Станиславского в книге не отвлеченно преподносится, она как бы раскрывается в действии, когда мы следим за исполненной напряженных поисков работой, которую ведет актриса до того, как спектакль появится на сцене.

«МХАТ ненавидал дилетантизм», — пишет актриса. История ее работы в МХАТ — это история неутомимого труда, падений и взлетов, непрерывной смены радости и отчаяния. Это рассказ о том, как ценой огромных усилий достигается искусство актера жить на сцене (а не «представлять»).

Примечательно, что иногда внешняя подробность помогала артистке. Так, надев на голову кусок старых, истлевших кружев, Бирман вдруг почувствовала, что сроднилась с образом мадам Обломов, проникла в ее существо. В другой раз актриса на одной из репетиций пьесы А. Файко «Евграф — искатель приключений» чуть ли не случайно произнесла первую фразу на ломаном языке: «Тчем это вы себе ногоць так испорцылы?» — и тотчас же услышала внутри себя незнакомый голос, именно тот голос глупой и пошлой маникюрши Тамары, который долго и безуспешно искала. Так раскрывается диалектическая сложность творческого процесса артиста. Когда Бирман исковеркала слова, что-то изменилось в ее психике; но ведь произнести неправильно эти слова побудили актрису уже свершившиеся в ее актерском самочувствии перемены.

Жизненный опыт — вот главный источник, откуда черпает силы актер, поэт, живописец... В давние годы, во время империалистической войны, Бирман работала медицинской сестрой в госпитале Художественного театра, и это помогло ей воплотить образ нашей современницы хирурга Анны Греч. Память чувств сберегла сострадание к раненым, жгучее желание утишить их боль. Чем больше передумал и переживал художник, тем зорче его глаз, глубже мировосприятие.

«Зрители приходят в театр узнать знакомое, познать неведомое», — говорит Бирман. Подлинное произведение искусства — это всегда узнавание знакомого и познание неведомого, поэтому оно духовно обогащает, помогает жить. Книга «Путь актрисы» открывает читателю новый мир мыслей и чувств, посвящает его в таинственную жизнь актера на сцене, знакомит с целой галереей театральных деятелей. Несколько необычным, окрашенным драматизмом предстает перед нами портрет Сулержицкого; в Станиславском, которому отдана вся неисчерпаемая любовь автора, увидены какие-то новые черточки, трагическими красками написана фигура Михаила Чехова, скупо, но на редкость живо нарисованы Афиногенов, Вахтангов, Немирович-Данченко, Гордон Крэг, Качалов, Дикий, Любимов-Ланской — множество крупнейших режиссеров, актеров встречаются на страницах книги.

Но самая яркая и интересная фигура в книге Серафимы Бирман — это она сама.

Лев Толстой говорил, что для него в литературном произведении интереснее всего автор. Разве не кажется эта мысль особенно верной, когда речь идет

Серафима Бирман. Путь актрисы. М., ВТО, 1959, 390 стр., ц. 21 р.

о мемуарах? Разные бывают воспоминания. В одних автор говорит главным образом о людях, с которыми встречался, в других — о себе. Но и тогда, когда в книге главное — портреты других людей, личность автора выступает необычайно рельефно. Его темперамент, его душевный строй, его симпатии и антипатии сказываются во всем — и в том, кого из знакомых он отобрал для своих воспоминаний, и в том, на каких чертах его характера сосредоточил внимание, и в том, какие детали его поведения запомнил... Пусть автор в таких мемуарах скрывается на заднем плане, все равно нарисованные им люди озарены его светом.

Однако Бирман и не старается спрятаться в тени. Ее «Путь актрисы» — откровенный автопортрет. Бирман пишет историю Художественного театра, Первой студии, МХАТ II, театра МОСПС, но актриса прямо заявляет, что напрасным было бы надеяться на ее объективность. «Нет у меня на то ни беспристрастия летописца, ни точности исследователя», — говорит она. Окружающих людей Бирман показывает почти всегда во взаимоотношениях с ней самой, субъективны ее чувства к актерам, режиссерам, оригинальна трактовка пьес и ролей, сугубо индивидуально восприятие тех или иных событий. Одна из лучших глав в книге посвящена работе над коронной ролью Бирман — ролью Вассы Железновой. Чем же так покоряют эти страницы? Именно той горячностью, с которой артистка защищает свою трактовку образа, тем упорством, с которым она стремилась отыскать человеческое в этой бесчеловечной женщине. С горечью вспоминает Бирман, как на одной из репетиций «Вассы Железновой» Любимов-Ланской обратился к ней с просьбой: «Ради бога, без оригинальности! Попроще! И как все!»

«Исполнить этой просьбы я бы не смогла, как бы ни старалась...» — признается артистка. В самом деле, не странно ли требовать от Бирман, чтобы она была, «как все»? Когда по природе своей она необычна; ведь оригинальность и составляет ее талант! Острохарактерная, душевноугловатая, резкотемпераментная, полемичная в своем существе — такой мы ее знаем в жизни, такая она на сцене и такая же в книге своей. Беспощадна откровенность, с которой Бирман рассказывает о своих поражениях в годы ученичества и на первых порах в Художественном театре, запальчива ее полемика с Ал. Диким, непримиримы и нелюбезны суждения о средствах сценического выражения, о пафосе той или иной пьесы. Примечателен ее спор с Немировичем-Данченко по поводу «Пира во время чумы». На одной из репетиций, когда Бирман по-своему — не так, как это сказано в авторской ремарке, — построила мизансцену, Немирович-Данченко сказал: «Что у вас за манера? В комнате двери, окна, а вы лезете в щель? Ну, хорошо, будь это какой-то там посредственный драматург, но это же... Пушкин».

«Отдавая дань глубочайшего почтения Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко, — пишет Бирман, — думаю, что все-таки права была я. И тогда, в тот далекий день репетиции, я осталась при своем мнении, несмотря на учет бесконечной дистанции между мной и великим мудрецом-художником. «Пир во время чумы» — мир гигантских чувств, мир страстей. Такое содержание требует соответствующего сценического выражения...» и т. п.

Все здесь характерно — и меткое замечание Немировича-Данченко и самостоятельность взглядов

артистки, отрешиться от которых ее не может заставить самый крупный авторитет.

Книга С. Бирман «Путь актрисы» — это больше исповедь, чем мемуары, несмотря на то, что читатель найдет в ней не только историю театра, портреты, но и даже стенографические записи репетиций. И в композиции книги и в некоторой вычурности стиля Бирман остается сама собой. Именно как исповедь оригинального, думающего, впечатлительного, страстного художника эта книга представляет интерес. Можно ли судить ее за то, что она такая, а не другая? У каждого художника своя индивидуальность, свое видение мира и своя манера письма.

Важно, что это — колоритная, талантливая книга, в которой воплотился творческий опыт незаурядной артистки, отдавшей всю свою душу служению людям через искусство.

О. Грудцова

Театральный альманах Ленинграда

Издательство «Искусство» выпустило второй сборник театрально-критических статей под названием «Театр и жизнь». Он подготовлен к печати секцией критиков Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР.

Сборник многообразен по материалу и жанру статей. Но большинство авторов раскрывает животрепещущие вопросы современности, освещает практику ленинградских театров.

К укреплению связей театра с жизнью, к смелым творческим поискам призывает вводная статья — «Дерзаний требует сама жизнь!»

В лучших статьях сборника публицистическая мысль, теоретические выводы, пусть порой дискуссионные, возникают на почве убедительного анализа, выразительной интерпретации явлений искусства.

Статья С. Цимбала «Театр и быстротекущее время» привлекает публицистической остротой и актуальной устремленностью. С. Цимбал, обращаясь к «сегодняшним и сиюминутным» проблемам современности, справедливо утверждает на примерах прошлых и последних работ ленинградских театров, что «высокая публицистика и художественная правда, воинствующая злободневность и психологическая глубина не только не чужды друг другу, но, наоборот, породившись, становятся могучей силой,

---

«Театр и жизнь». Сборник театрально-критических статей. Л.—М., «Искусство», 264 стр., ц. 18 р. 50 к.
